

Песни, написанные Никитой Богословским, знает и поет вся Россия. Шесть созданных им симфоний не сходят с афиш Европы и Америки. Аплодируя им, зарубежные меломаны даже не догадываются, что на Родине их создатель известен не меньше как писатель-сатирик. Опубликованные им романы о кинематографистах и композиторах произвели среди коллег автора эффект, подобный взрыву. Половина из них перестала с ним здороваться.

Рос. вестн. - 1995. 3 окт. - с. 5.

У Богословского слова от Бога. А откуда у него музыка?

- Юмор помогает человеку сохранить лицо, - считает Никита Владимирович. - Недавно большим тиражом была издана моя пластинка «Музыка смеется», основу которой составил концерт из трех скетчей для струнного квартета. Первый называется по-мощартовски: «Маленькая ночная беседа». Влюбленные разговаривают по телефону, ссорятся, она бросает трубку. Юноша, вновь набирая ее номер, ошибается, его кроет последними словами разбуженная глубоко за полночь виолончель. Кончается это примирением. Телефонные звонки, длинные и короткие гудки, так же как и голоса влюбленных были изображены при помощи скрипок, альты и виолончели.

Второй скетч - «Колыбельная». Мать успокаивает плачущего ребенка, поет ему колыбельную. Он ненадолго засыпает, потом снова заходится в крике. Домой возвращается пьяный отец, фальшиво подпевающий колыбельной. В конце концов засыпают все трое. Слышно, как они спят.

Третий скетч - «Отчетно-выборное собрание членов ЖСК». По интонации угадывается председатель, который постоянно произносит слово «товарищи». Виолончелист долго и нудно бубнит доклад. Другие инструменты перебивают его криками: «Заканчивайте!». В прениях выступают жилички. Одна - грустная, простуженно кашляет, хрипит. Вторая, склочница, вовлекает в скандал всех присутствующих. Начинаются выборы бубнежника-виолончелиста. Слышно, что 16 человек проголосовали «за», двое - «против». Играет туш.

Я люблю придумывать забавные композиции. Недавно в соответствии с классическими канонами жанра сочинил оперу о хирургической пересадке аппендикса, пишу вокально-симфоническую картину «Приемный день в учреждении». Начальник поет баритоном, его посетители - музыкальные инструменты. По их интонации, тембру и способу звукоизвлечения, тому, что в ответ поет начальник, ясно, кому что нужно. Туба просит квартиру. Чтобы разжалобить начальника, взял с собой внучку, флейту-пикколо. Гобой с восточной интонацией пы-

тается дать взятку. Порхает по кабинету кларнет-секретарша. Тромбон распекает начальника по телефону, он старше его по должности. В заключение появляется хулиган-ударник.

- Это скорее сатира.

- В музыке порой не разберешь, что получилось: чистый юмор или остросоциальная сатира. К счастью, искусство это абстрактное. Крамолу в моих сочинениях усмотрели только однажды, запретив пластинку «Концерт для смеха с оркестром». В композиции не было ни единого слова. Ритмический, разнообразный в тембровом отношении смех сопровождал симфонический оркестр, игравший серьезную, почти мощартовскую музыку.

- У вас в роле струны от смеха не лопаются?

- Обычно я придумываю музыку без роля. Мелодическую ткань, гармонию, аккомпанемент и оркестровые партитуры прорабатываю за столом. Главное понимать, какому инструменту что доступно. Больших технических сложностей в моей музыке обычно нет. Исключение я сделал лишь однажды, влюбившись в девушку, за которой другой музыкант, тромбонист, ухаживал более успешно. На консерваторском концерте представил сочинение, содержащее такую заковыристую партию тромбона, что мой соперник, захлебываясь слюнями, не мог с ней справиться. Над ним смеялся весь зал.

- Вы пишете стихи и музыку, но песен композитора Богословского на стихи поэта Богословского нет.

- Выложиться в двух ипостасях сразу не могу. Стихи у меня иронические, а песни - лирические. Те, которые я написал вместе с Пляцковским, Долматовским, Доризо и Фатьяновым, одновременно сочиняя музыку и стихи, стали классикой. Десятилетиями они держались в сознании и сердцах людей. Моя любимая - «Почему же ты не встретишься, стройная, юная...» В какой-то мере она автобиографична. Другую, не столь известную, хорошо пел Утесов: «Девка-краса, чудо коса». И, конечно, люблю те, которые написал специально для Лемешева.